

Прогулка по серой зоне

Наводнение в Кургане идет на убыль, город готовится к пожарам. Репортаж с правого берега Тобола, из-за полицейского оцепления

Собаки жадно пьют — их только что накормили прорвавшиеся за полицейское оцепление зоозащитники. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

14:04, 22 апреля 2024,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Как изящно выразились на канале «Россия 1» по поводу 28–29 градусов в минувшие выходные в Кургане, а также во всем Зауралье и на Южном Урале, «хоть какое-то подспорье для регионов, терпящих бедствие». В чем подспорье, сказать так сразу сложно: уровень Тобола в Кургане, похоже, только собирается идти на убыль, пока это робкие сантиметры, но хоть не вверх, меж тем город и затопленный пригородный Кетовский район уже готовятся к ландшафтными пожарам: традиция. Тем более такая жара.

Так закаляется местный характер.

Отопление в квартирах курганцев обещают выключить только 23-го числа. А уже 24-го ночью прогнозируют нулевую температуру. В общем-то, тоже традиция.

Итак, пока Курган отходит от пика наводнения. Или, как говорят ныне губернаторы, «паводковых процессов».

Вид на правый берег с центральной набережной. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Первобытное

Шоссе на юг, на Зверинку (село Звериноголовское, южный форпост России), сейчас называется шоссе Тюнина, по имени местного майора ФСБ, Героя РФ, погибшего во второй чеченской: накрыл собой гранату и спас двух сослуживцев. Он был лесниковский, там и похоронен. Вот билборд на шоссе его имени призывает там, в Лесниках, отдохнуть: три разновозрастные дамы в пляжных шляпках с коктейлями на фоне голубого бассейна и хвойного леса.

Билборд сейчас окружен курганским морем с плавающими в нем диванами, телевизорами, холодильниками. Нелепо торчит из грязных вод потопа. Торчат столбы, ЛЭП, высокие дорожные знаки — невысокие скрылись под водой.

Шоссе на юг помню столько, сколько себя. Оно было как сама жизнь — мчалось и гудело, вокруг сменялись пейзажи, тоже всегда одушевленные. И вот оно — абсолютно пустое, омываемое по бокам где текущими, а где остановившимися водами, в них покачиваются архипелаги пластика. Вчера в толпе на городской набережной (аномальное тепло, аморальное текло) кто-то сказал: «Полторашки в Кустанае еще выпиты» (откуда Тобол течет в Зауралье и Сибирь), — но рефлексия улиц и пивнух неточна. Это родное. В Казахстане по закону 1999 года пиво в пластике не делают и не ввозят (хотя, конечно, ПЭТ-тара и там встречается).

Орут чайки, печет солнце. Ты один шагаешь непонятно зачем и куда. И ни души. И кажется, что будущее наступило.

Вы легко представите это.

- Во-первых, все видели постапокалиптическое кино,
- во-вторых, мой друг Сергей Владимирович не раз говорил (и я склонен в целом с ним соглашаться, тем более и Платон нечто подобное утверждал, а кто мы такие, чтобы Платону не доверять?): человек не может придумать того, чего не было, нет или не будет. Человек не в состоянии ничего нафантазировать. Ни один сон, ни один фильм... Человек откуда-то помнит, неизвестности нет. Может, я и поспорил бы, но ведь если за реальность принимать фантазию, то она, как-то так получается, в итоге сбывается. Так что причины могут быть разные, следствие одно.

Дачи, плавающие у шоссе Тюнина. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Над затопленным на многие километры пространством раздаются крики петуха. Он истерит непонятно где — над поднявшейся и уже почти выровнявшейся гладью воды звуки летят издалека.

К тезису, что наши знания — это, в общем, воспоминания: всё уже откуда-то зная, мы долго ищем свои родные, архаичные, до боли знакомые грабли. Найдем и непременно наступим.

Эти дачи и дома на правобережье Тобола всегда топило. И при царе, и в СССР, и в демократической России. Это пойма. «Россия есть первобытная, первоначальная страна. С реками и озерами» (Розанов).

Иду по шоссе все дальше, до той низины, где и оно уходит под воду. Затопленные дачи заканчиваются, теперь только море.

Если б не грандиозный прошлогодний пожар, сейчас бы и здесь торчали из воды крыши и плавали диваны. Но все эти дома год назад сгорели. И вот пространства прежде сожжены, теперь смыты-омыты.

Так, кстати, и работают бригады саночистки при затоплении ложи водохранилища, например, при воздвижении ГЭС: сначала всю органику жгут, потом пускают воду. На Ангаре местные называют эти бригады зондеркомандами.

Другой бы сказал, что сама природа чистит курганские пространства от нас, но я не буду. Потому что это не совсем так: не одна она.

Кот Фронт

Что предшествовало этому путешествию по серой зоне, временно отнятой природой у людей. С утра забираюсь на пограничную глиняную дамбу у перекрытого для движения Кировского моста. Поднявшаяся уже до самого полотна моста вода быстро течет, в том числе уходя и на правый берег, заполняя его еще больше, еще дальше. Защищен берег левый — на нем город. На правобережье — дачи. Еще вчера и несколько дней до этого (вода уже подступала, топила улицу за улицей, а люди топили бани, над дачами стояли дымки) народ сначала выводили, потом вывозили с полицией. На дачах теперь живут круглогодично и постоянно, у кого-то это единственное жилье, теперь так можно.

Кошка, спасенная с левого берега. В ожидании переноски. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Сейчас вижу только, как спасают с берега правого собак и кошек. Их вывозят на лодках. Затем переносят или переводят по мосту сюда, на берег левый. Сушат, кормят, сажают в переноску и везут на передержку. В их ПВР (пункты временного размещения): выстроены целые поля индивидуальных будок, «будок гласности». Собаки там заливаются лаем с перерывом на лакание воды (у каждой своя миска) — «он-лайн-конференция».

Две дворняги остаются пока здесь, держатся рядом с защитниками, не стоят — ложатся у их ног, устали. Кошки, пока их несут по мосту, царапаются, глаза испуганные.

По островам из плавника и пластика ходят утки. К острову несет стул — селезень не интересуется, а утка плывет посмотреть.

Утки изучают пловущую по Тоболу мебель. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Полицейский, караулящий проход на гребень дамбы и по мосту (все перевязано стоп-лентами), вдруг начинает сгонять всех вниз, к подножию дамбы. Оглядываюсь, причина понятна: сюда идет начальник с крупными звездами. «Да сколько ж можно! Одних сгонишь, уже другие. Не стойте тут! Вас видят — значит, можно, и другие поднимаются». Испугавшись начальственного рыка, две собаки бегут по мосту снова на правый берег, но на середине моста нерешительно останавливаются, потом ложатся. Пережидают. (Зоозащитница: «Одну собачку три раза ловили, некоторых по два раза, животные на панике».)

Через день здесь, у Кировского моста, начнет ручьем сочиться из-под дамбы. Жителей, над которыми нависает толща воды, будут пытаться эвакуировать — долбить в окна и калитки частного сектора. Автобусы будут стоять пустые, тархтеть вхолостую.

Собаки по Кировскому мосту сбегают обратно на незащищенный и затопленный правый берег. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

А пока иду к следующему мосту. Второй ярус центрального отрезка набережной уже затоплен, перекрыт. Рядом со мной оказывается рабочий, вычисляем с ним, насколько уровень воды на этом ярусе, огражденном мешками, ниже, чем в реке. Сантиметра на два. «Специально приехал посмотреть на плоды наших трудов. Нас снимали с работы, в три смены сюда везли, в 9, в 2 и в 6 часов. Мешки таскать. Неужели ничего лучшего человечество не может придумать? Это ж подорожником лечить». Рассказывает тоже про собак. Ездит на дачи подкармливать соседских — хорошо, что их хоть с привязи спустили.

Дальше под стоп-лентами и сквозь полицейское оцепление прохожу на шоссе Тюнина.

Затоплен второй ярус набережной, центр Кургана. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Зона

Офис «Водного союза» (курганский водоканал) затоплен под двери. Кто что охраняет, тот, как известно, то и имеет, но очистные сооружения водопровода Арбинка, дающие городу питьевую воду, работают штатно. Обочины Тюнина уставлены техникой оперативных служб, советскими еще амфибиями. На пересечении с улицей Свободы стоят спасатели с нижегородскими номерами, собираются ехать двумя лодками за алабаем: он тяжелый, а если еще и неадекватный, придется хозяина везти — пока он намерен остаться.

В офисе курганского водоканала недостатка в воде нет. Но очистные сооружения водопровода Арбинка работают штатно. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

На шоссе Тюнина для преодоления завалов и дачных заборов готова техника повышенной проходимости. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Дальше по шоссе мир становится все более тихим, ботаническим, виды на него — рай для мизантропов и социопатов. Нет никого, дачи затоплены под крышу, некоторые

еще выше, некоторые сошли с фундамента и поплыли. «Образец тавтологи: бедные люди» (Григорий Ландау).

Через километр вижу уже знакомую парочку — домашних гусей. В воду они не идут, слоняются у шоссе. Порой выходят к людям и стали уже поп-героями этого наводнения, их предлагают назвать, исходя из имени шоссе: гусака — Тю, гусыню — Нина. Птиц жалеют, полагая, что их «обнулят», «до первой бездомной собаки», но вот сейчас я их вижу далеко от мостов, в километре, наверное, от улицы Свободы, и они бодры спустя и неделю после начала вольной жизни.

Обстановка на шоссе Тюнина. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

А тут же, на обочине с другого бока шоссе, не сразу замечаю в жухлых листьях, мусоре, прошлогодних травах спящую без задних ног стаю собак. Все того же цвета, упитанные и ленивые, только вожак поднимает голову при моем приближении и тут же роняет ее обратно. На гусей — ноль внимания. Кажется, эти собаки никогда столько не ели: в начале своего пути вижу зоозащитников, женщин средних лет, раскладывающих в

придорожные миски и куриные ноги, и сухой корм. Там богатое меню, до отвала, доступ свободный, место высокое. После собак у мисок пасутся голуби. Пара сорок сидит рядом на соседних крышах и обсуждает пикник на обочине. Люди, как-то оказывающиеся здесь, в закрытой зоне, несут также пряники, печенье, сушки дежурящим спасателям. А те тоже подкармливают собак.

Перевернулся, словом, и на их улице грузовик с печеньем. А потом им вовсе жить в новом мире: вода сейчас сотрет всех их метки и маршруты, путевыводитель универсальный.

Еще одним героем наводнения и многочисленных видео становится жутковатого вида трехногая белая собака. Но она в центре Кургана. Ее там видят на разных улицах, в разных дворах: несмотря на потерю ноги, передвигается динамично. Прославилась она своим воем — артистично и внушительно подвывает сиренам, отпевающим город. Всякий раз, сколько бы те ни звучали. («Бэрримор, кто это ночью выл на болотах?» — «Простите, сэр, накопилось».)

Сады Курганского машзавода — главного предприятия ВПК Зауралья. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Вот затопленные сады — КМЗ (Курганского машиностроительного завода), главного в Кургане, военного, работающего теперь в полную мощь, ищущего рабочих металлообрабатывающих специальностей с зарплатами от 110 тысяч рублей (токаря). Наводнение КМЗ, в отличие от дач, не угрожало и угрожать не могло, но фейков об этом было немало.

На другой обочине вижу билборд еще одного предприятия ВПК: наладчиков станков с ПУ, зарплата от 120 до 200 тыс., ищет НПО «Курганприбор».

Дачи, плавающие у шоссе Тюнина. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

В жизни все переплетено непостижимо, военные заводы работают теперь и по ночам, и, возможно, это и спасло Курган в самую опасную ночь этого половодья — с 18 на 19 апреля, когда разом начали отслаиваться и давать протечки участки курганской дамбы в Восточном (сирены там были уже не прерываясь) и Западном районах. Экстренно НПО «Курганприбор» сняло с ночной смены более сотни рабочих, одноименное СКТБ (специальное конструкторско-технологическое бюро) — еще полсотни, они и укрепляли дамбу

в Восточном. Снимал рабочих и КМЗ, Курганстальмост. Помимо того, все эти дни военные заводы ежесуточно отправляли по 100 рабочих для дежурства на дамбе и укрепработ.

А в центре у Богоявленского собора в ту переломную ночь трудились студенты. Под музыку из колонки — песни Шамана и «Младший лейтенант» Аллегровой. Днем 19-го уровень реки впервые начал падать, пусть на пару сантиметров, до 1013. Правда, 20-го вода снова начала прибывать, причиной назвали обратный сток с поймы в верховьях.

У шоссе Тюнина сейчас. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Следы обитаемых пространств заканчиваются, сопровождавшая меня молодая собака отстает, дальше — выгоревшие пустоши, теперь залитые водой. Иду по шоссе, как по пирсу, один (не считая чаек где-то там). Будет еще один пост МЧС: торчит полузатопленная табличка нацпроекта «Безопасные и качественные дороги», оповещающая, что автодорога в п. Смолино (ответвление от Тюнина) отремонтирована. Дорога полностью, на всем протяжении, затоплена. Здесь дежурят спасатели, по обозначениям на лодках видно, что из

Красноярска. В другое время вахту несли екатеринбуржцы. В мареве проступает купол смолинской церкви — горит красным, как сигнальный огонь на высокой дымовой трубе.

Спасатели у дороги, ведущей к затопленному поселку Смолино. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

На шоссе дальше — вовсе никого. Но когда уже приближаюсь к месту «перелива» в низине — раньше здесь стоял стационарный пост ГАИ (местная собака, прибывшая к посту, лучше всех выискивала не только колбасу, но и наркотики, ввозимые из Казахстана), потом пост отменили, и встал рынок стройматериалов, — меня обгоняет «газель» местных спасателей, двое выходят и тоже долго смотрят — примерно как на море. Мир на паузе. «Перелив» через шоссе метров на семьсот, как Босфор в узких местах. Ну, а в стороны от шоссе воды на многие километры. Вынырни дельфины, никто б не удивился.

Курган. Перелив через шоссе Тюнина. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Южные пригороды Кургана и Кетовский район точно спланированы под масштабные бедствия, наводнения и пожары. Страшно **горели** здесь в мае 2004 года, в 2008-м, 2018-м и 2019-м, **повторившем** 2004-й и маршрутом огня, и сопутствующими обстоятельствами — жарой, ветром. О прошлогодних событиях вот ровно тут, где я стою, мне вечером этого дня расскажет Светлана.

Другая красота

Итак, начало мая 2023-го. О красоте, что уничтожает наш мир, переплавляя его материю:

— Жара стояла просто невыносимая в апреле и начале мая. 7 мая мы возвращались по Тюнина с дачи у Кетова. Заехали к родителям: у них дым везде. Я говорю: давайте собираться в город. Нет, нет. Ну, и мы без них поехали. По Тюнина. А умные были те, кто поехал через Садовое. Там мост сейчас платный. Но тогда мужик этот открыл его для всех, и все ехали худо-бедно, не стояли. Так дорога длиннее, но они быстрее нас приехали в

город, 100 километров, за час доехали. А мы стояли тупо. Встали у училища (*пограничный институт ФСБ. — А. Т.*), и до заправки внизу (*после спуска с Увала, это от силы 2 км. — А. Т.*) два часа ехали. По метру. Там до горизонта море огня. Менты набирали по 8–10 машин и в их сопровождении с мигалкой ехали до города уже. И вот стоим, ждем своей очереди. У заправки все деревья огнем горят. И головешки разлетаются. Страшно. И все молча снимают это на смартфоны. Сидят в машинах или выходят — и снимают.

Пасынки не горят. У дачи бывшего мэра Кургана Сергея Руденко за Белым яром, 2019 год. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Полыхает вот все пространство — а там же широченный обзор, вся линия горизонта видна. И гул стоит, над Смолино красный купол. Просто война какая-то вокруг. Огонь закручивается вихрями, перелетает через шоссе (*тогда огонь перелетал через Тобол, по свидетельству вице-губернатора Станислава Носкова.*

— А. Т.). И вот мы едем, и я вижу этот строительный рынок внизу (в самом затопляемом месте, здесь раньше высился гаишный пост. — А. Т.), там штабеля стройматериалов были. И они вобрали в себя весь этот огонь, жар, и вся эта куча переливается всеми цветами, они один в другой переходят, не то что там красный, а желтый, оранжевый, фиолетовый, синий, очень красиво. Драгоценные камни. Я аж рот открыла.

Пожары под Курганом 2019 года. У Камчихи и Смолино огонь дошел до железнодорожного моста. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Подключается Евгений, муж Светланы, он тогда был за рулем:

— Она же рыдала всю дорогу, а тут умолкла. Мы первые в колонне ехали, а то бы я притормозил. Но мы медленно ехали, в сопровождении...

— Да, я натурально обалдела от этой картины, остолбенела,

слезы высохли, — продолжает Светлана. — Вот просто такое перевоплощение материи. Куча бревен была, и уже огня не видно, уже, по сути, просто головешки, но как сверкают! И я поняла пироманов, почему они вот подожгут и любят, но не огнем, а когда уже огня нет, вот это очень важно. Я такой красоты никогда не видела.

— Переходный момент, — добавляет Евгений. — Еще до конца не сторело, газы отходят, и вот эти переливы цвета. И она реветь забыла... Да, вода так не впечатляет. Я так понимаю, готовились снова к пожарам — в прошлом году все эти пепелища распахали. А тут вода пришла по этим паханым полям. В 94-м (*самое масштабное наводнение в новейшей истории Кургана, сейчас уровень воды поднялся выше.* — А. Т.) я в филармонии работал. Поднимались на крышу (*здание у Тобола.* — А. Т.) и смотрели. Тогда зрелище было куда ужасней, просто все кругом было в воде. Сейчас все равно частями где-то еще не затоплено, а тогда и аэропорт, и Восточный, до трассы все затоплено было. А сейчас зато вода стоит в Кетово (*по течению выше Кургана.* — А. Т.), где все дач и загородных домов настроили, там никогда столько воды прежде не было. Ну, здесь дамбу поставили, вот она там, на подходе к Кургану, и стоит.

Левое и правое. Им не сойтись

Еще женский монолог (в ночь на 14 апреля) — о жертве правым берегом ради берега левого:

— После прогулки по набережной полное впечатление, что все сделано для показухи. Очевиден большой перепад противоположных берегов, вода и так в город не пойдет, потому что противоположный берег ниже в два раза, начнет заливать дачи, в которых люди живут. Но у них эти люди — не люди. Сами раньше подталкивали прописываться и строить в СНТ (*садовое некоммерческое товарищество.* — А. Т.), а сейчас — «нате, получите», вас зальет. И еще неделю до этого без света

посидите. Многие садоводства не топило никогда или вода совсем чуть-чуть заходила, так ведь надо людей без электричества оставить. У нас в СНТ живет 70 семей, завтра отключают электричество, непонятно как должны кормить детей и тепло в дом подавать.

Правобережные жители плывут домой через гаражный массив, затопленный по крыши. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Завтра отключают — значит, выдавайте в каждое садоводство по машине ППС (*патрульно-постовой службы. — А. Т.*). Кто будет отвечать за мародерство, которое начнется? В 94-м электричество не выключали. Такое ощущение, что всем там зарплату куриными мозгами выдают! И вы еще надеетесь, что за вас голосовать пойдут дальше? То пожары, то наводнения, ведь не было такого раньше! Потому что грамотные специалисты ушли, а одаренные рядом сидят и рот боятся открыть. *1/4 населения живет за ЦУМом и дальше (то есть на правом берегу; это, безусловно, преувеличение, но люди, живущие там, столь же безусловно обладают тем же набором прав, что и на берегу левом. — А. Т.)*, неужели не сделать за все годы мост на Тюнина (*над тем «переливом», что образуется регулярно на шоссе. — А. Т.*)? Как люди должны ездить на работу? Зато асфальт снимают раз в два года и новый кладут.

Сегодня энергетики приехали отключать СНТ от электричества. Нам, говорят, всю ночь ездить, мы сами не понимаем, зачем нужно отключать заранее.

Улица Свободы. Запорожцы выкатили из гаражей к шоссе, чтобы те не промокли и не уплыли. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Губернатор Шумков тем временем виновных **нашел** и причины ЧС назвал:

- «За федеральной трассой (Р254 «Иртыш», она же отрезок европейского маршрута E30, от ирландского Корка, и формальное продолжение на восток трассы М5 «Урал». — А. Т.) уровень падает до 7 метров 80 см (на 20 апреля. — А. Т.), что подтверждает, что мост (Омский. — А. Т.) является естественным подпором. Пять лет подряд направляли заявки в различные ведомства по необходимости ускорения расчистки русла. Понимаем, что есть объективные сложности, но, полагаю, необходимость такой расчистки и углубления сейчас стала очевидной для всех. Попросим поддержать нас еще раз после прохождения паводка».

Кроме того. В адрес неназванных соседей:

- «Вода в округах, где пик паводка уже прошел, стоит на отметке либо уходит крайне медленно, что подтверждает данные об общем огромном объеме сброса с водохранилищ».

Секретарь Совбеза Патрушев **назвал** причиной ЧС недостатки в прогнозировании.

Это все (и от Шумкова, и от Патрушева) верно, и это было ясно еще до начала половодья. Вопрос в отсутствии именно своевременных реакций российской власти. Вопрос в том, зачем **заседали** в Кургане и ездили в Кустанай специалисты Нижне-Обского бассейнового управления.

Михаил, 56 лет, начальник гаража в крупной торговой организации, всю жизнь в Кургане, говорит мне:

— Разбили асфальт КамАЗами. И на набережной, и в городе. А мешки эти, горы глины кому убирать? И кому они помогли? Надо чистить русло. Когда воду спустили, подняв на плотине заслоны, у пивзавода дно обнажилось, там воробьи реку перейдут. В прошлом году земснаряд работал у Омского моста, да, так русло надо чистить много где. Но это просто будничная планомерная работа, это неинтересно, видимо. А так — панику развести, на всех экранах мелькать, штурм и натиск.

Бермудский треугольник

Можно ли выйти из этого цикла, из бесконечной повторяемости?

В деревне Лаптева Кетовского района Курганской области (как и в некоторых других селах и деревнях — Темляках, например), ночью мощное течение сорвало мост. Тот же, что такое же течение сорвало в 2016-м. Тогда этот шедевр инженерной мысли

прибило к берегу, и его приколотили обратно — у проплывавших под ним на катамаранах туристов головы сохранялись чудом. Сейчас его снова выловили, в океан не уплыл, и его снова водрузят на место — это делают местные мужики, никто им не помогает.

Ну а кто им мост построит? В лучшем случае намекнут: может, если это закономерность, то и не стоит строить мосты и привлекать наводнение?

О Временном правительстве кто-то говорил в таком духе: это были честные люди, желавшие добра, но я бы не оставил им на три дня хомяка. Ничего не знаю о честности губернатора Шумкова, как и о том, желает ли он добра кому-то, кроме своей семьи и своего президента, это и не так важно, чем он руководствуется — любовью, страхом, карьерными ли соображениями. Но хомяка он сберег. Напугал до смерти, выстроил на подоконнике в колонну по три, но сберег.

Собаки далеко от спасателей не отходят. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

В затопленном пять лет назад Тулоне жители жаловались, что их не оповестили о грядущей беде. Шумков и МЧС с 7 апреля обрушили на город сирены, шквал СМС-оповещений о немедленной эвакуации, поднимая ставки все выше. Город намеренно выводили из себя, за грань нервного срыва, город запугивали, предлагая всем и каждому создавать месячный запас воды, город мобилизовывали. Всех — от подростков, насыпавших песок в полмиллиона мешков, девочек, шивших постельное белье для ПВР (размещенных в школах, все учащиеся распущены на дистант), до дачников-пенсионеров. Полиция требовала пустить их в чаты СНТ, отселяла, брала под контроль последние уголки и убежища частной жизни. В итоге Шумков смог: вода на левобережье не прошла, ни одной жертвы. И даже не буду заостряться на том, что так берегают именно что хомяков. Когда-то, уже давно, Шумков сказал о вверенной области: здесь «кризисом является все». Ну а он именно что кризисный управляющий.

Дети тоже укрепляли дамбу. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

...Большую общественную дискуссию вызвали два снимка Николая Пушилина, [опубликованные](#) тг-каналом «Курганистан»: пловец на резиновой лодке (возможно, один и тот же) в одном и том же месте Кургана (гаражи, магазин «Тобол») в 1994-м и в 2024-м. То есть с разницей в 30 лет. А словно их и не было, словно он вплыл в Бермудский треугольник и спустя три десятилетия выплыл. Только мотор для лодки купил. Ну и бессмертный магазин «Тобол», регулярно в Тоболе тонущий, обложили красным кирпичом.

А так — уровень воды почти одинаковый, сейчас чуть больше, если отталкиваться от кирпичной кладки гаражей. Несмотря на построенную за эти годы на левом берегу дамбу. Нет, точнее, в какой-то мере благодаря ей, ведь речь о берегу правом. «Что-то Россия 30 лет не туда шла, за это время некоторые страны стали великими державами. А тут *** [ничего] не поменялось». — «Что делать, если строятся в пойме». — «А кто строит? Анунаки? Кто разрешение дает?» — «Почему русло не чистили?»

Хроника текущих вод. И тормозящих. Не текущих никуда.

Дачи, плавающие у шоссе Тюнина. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Десятилетиями длится, вспучиваясь после каждого крупного наводнения, полемика: нужно ли в приказном порядке отселить людей из периодически затапливаемых — что бы мы ни делали — участков пойм. Орск в Оренбуржье, Тулун в Прибайкалье, Бийск на Алтае и т.д. Это действительно вечный разговор. Во-первых, людям вообще опасно жить на планете: в горах — лавины, на равнинах — ураганы, в глухом лесу — пожары. Во-вторых, народ боится этих бедствий (уж наводнений — точно) куда меньше, чем самой власти и всех ее мер в защиту народа от этих бедствий. В-третьих, народ, как и его власть, верят (не все, конечно, но) в план Даллеса, в жидомасонский заговор, а, например, в коронавирус или в Бога — нет. Не верят и в глобальные изменения климата, дающие резкое учащение в наших широтах таких катаклизмов. Если бы верили, пересмотрели хотя бы весь свод гидрологических и гидротехнических правил. Ну и главное:

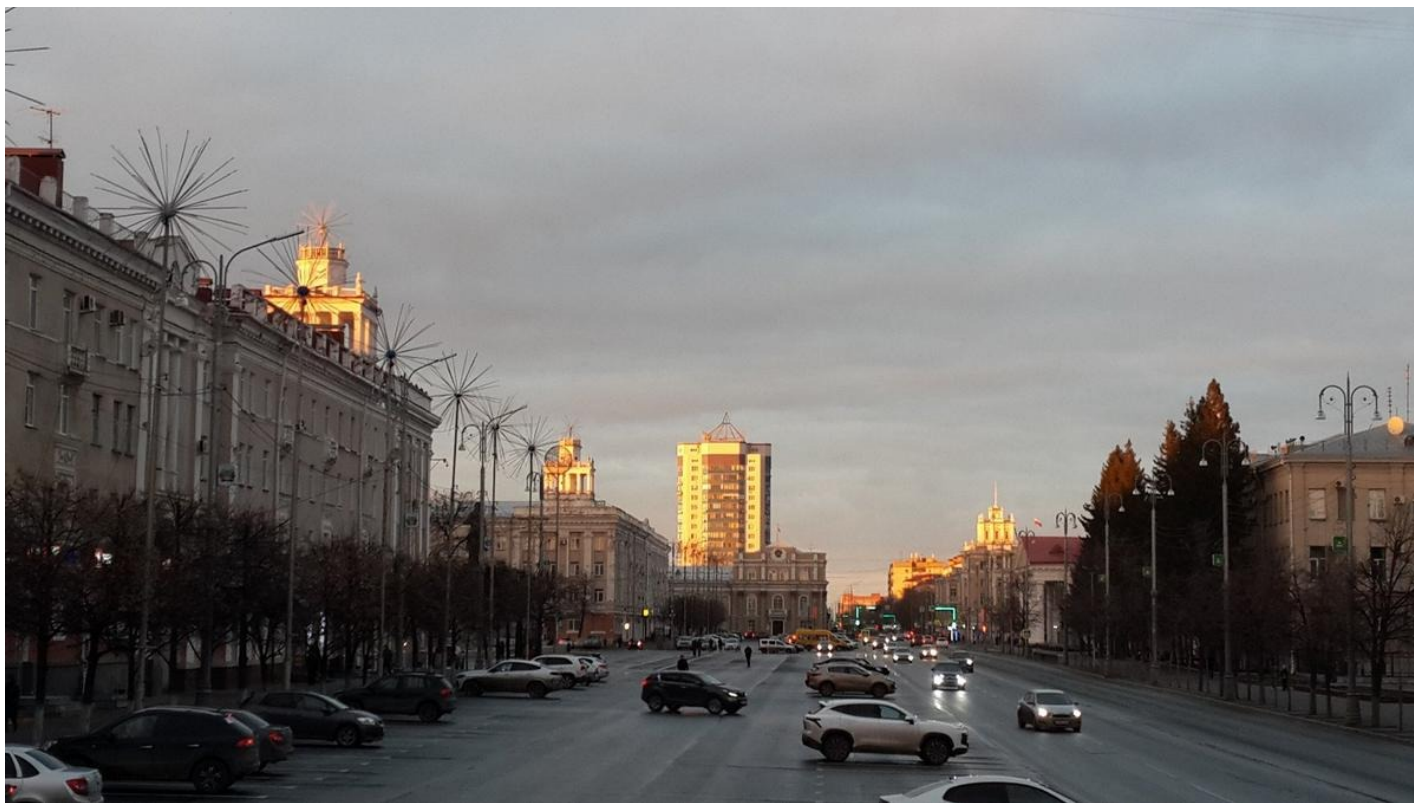
на запреты жизни в пойме не потратить те миллиарды, что идут на ликвидацию

последствий ЧС. А значит, это решение нереализуемо.

Затоплен второй ярус набережной, центр Кургана. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Изменения климата и затверделость российских порядков — вот вам противоречие, которое убивает. Стою у «перелива», надо мной голосами заграничных драматических актрис орут чайки, может, это по-китайски, не знаю. Все апокалиптические и постапокалиптические книги и кино воплотятся — хотите верьте, хотите нет. Рано или поздно, Гос-по-ди, спа-си нас. И всё, что написано и показано, — правда. Разжевано миллион раз миллионами экземпляров — а нет, не доходит. Ни верить не хотят, ни знать, хотя все им пережевывали, в рот положили... Чего вам не говорили, о чем не предупреждали?

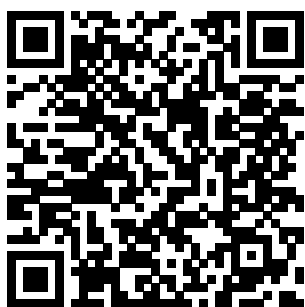
Курган. Центр. В закатном свете. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

А пока появилось предложение переименовать город, не могло не появиться, пусть в городских чатах. Говорят, нынешнее его имя притягивает катаклизмы. «Может, обратно в Царево городище?»

Заодно, думаю, хорошо бы переименовать и Кетово, что похоже на Китово. Вдруг Господь неправильно нас понимает?

Вода из Кургана пошла в Белозерский район.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Курган идеальной России](#)

Всенародная тренировка мобилизационной готовности проходит в эти дни в Зауралье: в регион пришла большая вода

17:31, 12 апреля 2024, Алексей Тарасов

[Сирены воют, беда прибывает](#)

В Кургане власти не говорят о том, чего люди реально боятся, а приучить их страшиться большой воды пока не получается

18:38, 15 апреля 2024, Алексей Тарасов

[Серфинг на гладильных досках](#)

В Кургане близится пик сильнейшего за десятилетия паводка. Но глубинный народ — по определению — не может бояться утопления

20:37, 17 апреля 2024, Алексей Тарасов